

Джон Стейнбек

Подарок

Билли Бак вышел на рассвете из сарая и постоял минутку на крыльце, глядя в небо. Билли был кривоногий крепыш с длинными обвислыми, как у моржа, усами, с квадратной кистью рук, бугрившихся на ладонях твердыми мускулами. Его водянисто-серые глаза смотрели сосредоточенно, а волосы, торчавшие из-под широкополой шляпы, были жесткие и почти обесцвеченные солнцем. Стоя на крыльце, Билли заправлял рубашку в синие бумажные брюки. Он расстегнул пояс и затянул его потуже. Блестящие полоски около каждой дырочки показывали постепенный, из года в год, рост его брюшка. Билли убедился, что погода хорошая, громко высморкался, зажимая поочередно ноздри указательным пальцем, и пошел к конюшне, потирая на ходу руки. Он стал чистить скребницей и щеткой двух верховых лошадей, ласково приговаривая что-то, и только-только успел управиться с этим, как в доме ударили в железный треугольник. Билли сложил вместе щетку и скребницу, приткнул их на переборку между стойлами и пошел завтракать. Движения у Билли Бака были неторопливые, но вместе с тем такие экономные во времени, что, когда он подошел к дому, миссис Тифлин еще не кончила звонить. Она кивнула ему своей седеющей головой и ушла в кухню. Билли Бак сел на ступеньки, потому что он был работником на ферме и ему не подобало входить в столовую первым. Он услышал, как мистер Тифлин топает ногами по полу, надевая сапоги.

Высокие дребезжащие звуки треугольника подняли со сна мальчика Джоди. Он был еще совсем маленький мальчик, всего десяти лет от роду, с волосами, похожими на пыльно-желтую траву, с застенчиво-вежливым взглядом серых глаз и подвижным в минуту задумчивости ртом. Треугольник проник в сны Джоди. У него и в мыслях не было, что можно послушаться этого пронзительного звона. Он повиновался ему всегда, и другие тоже повиновались. Джоди откинул со лба спутанные волосы и стащил через голову ночную сорочку. Минута – и он уже оделся в синюю бумажную рубашку и комбинезон. Лето было в самом разгаре, значит, можно обойтись без башмаков. Войдя на кухню, Джоди подождал, когда мать отойдет от раковины к плите, потом умылся и прочесал пальцами мокрые волосы.

Мать круто повернулась к нему. Джоди застенчиво отвел глаза в сторону.

– Надо тебя постричь. Ишь зарос как, – сказала мать. – Завтрак готов. Иди в столовую, тогда и Билли войдет.

Джоди сел за длинный стол, покрытый белой клеенкой, кое-где протертой до самой основы от частого мытья. На столе уже стояла сковородка с яичницей-глазуньей. Джоди положил себе на тарелку кусок яичницы с тремя желтками и добавил к этому три толстых ломтика поджаренной грудинки. Потом принялся старательно счищать с одного желтка кровавое пятнышко.

В столовую тяжелыми шагами вошел Билли Бак.

– Не отравишься, – сказал Билли. – Это петух такую отметину оставил.

На пороге появился высокий, строгий отец Джоди, и по его шагам Джоди догадался, что отец в сапогах; тем не менее он заглянул под стол, чтобы удостовериться в этом. Отец погасил керосиновую лампу, висевшую над столом, потому что в окна уже лился утренний свет.

Джоди не стал спрашивать, куда собрались отец и Билли Бак, хотя ему очень хотелось поехать с ними. Отец воспитывал его в строгости. Джоди повинился ему беспрекословно. Карл Тифлин сел за стол и пододвинул к себе сковородку с яичницей.

– Ну как, Билли, где у тебя коровы? – спросил он.

– В нижнем загоне, – ответил Билли. – Да я и один с ними управлюсь.

– Управиться-то справишься, но в компании веселее. А мне, кроме того, и горло не мешает промочить. – Карл Тифлин был настроен шутливо в это утро.

Мать Джоди высунула голову из-за двери.

– Карл, а когда ты вернешься?

– Не знаю. Мне надо кое с кем повидаться в Салинасе. Может быть, задержусь до вечера.

Яичница, кофе и большие оладьи быстро исчезли со стола. Джоди вышел из дому следом за обоими мужчинами. Он видел, как они сели верхом, вывели из загона шесть старых дойных коров и погнали их вверх по склону холма, к Салинасу. Они поехали продавать старых коров мяснику.

Когда отец и Билли Бак скрылись по ту сторону холма, Джоди спустился вниз по дороге и вышел на зады фермы. Из-за угла дома, извиваясь всем телом и радостно скаля свои страшные зубы, выбежали две собаки. Джоди погладил их обеих – дворняжку Боя с длинным толстым хвостом и желтыми глазами и колли Молодца, который загрыз койота и лишился в этой схватке одного уха. Здоровое ухо у Молодца неподобающим для колли образом стояло торчком. Билли Бак говорил, что у одноухих всегда так бывает. После бурных приветствий собаки с деловым видом уткнулись носом в землю и бросились вперед, то и дело оглядываясь на бегу, идет ли за ними мальчик. Все втроем они свернули на птичий двор и увидели перепела, клевавшего корм вместе с курами. Молодец погнался за курами, ради практики, на тот случай, если когда-нибудь придется сторожить стадо овец.

Джоди побрел дальше по огороду, между рядами зеленой кукурузы, поднимавшейся выше его головы. Тыквы были еще зеленые и маленькие. Он подошел к зарослям полыни; холодная ключевая вода бежала оттуда по желобу и падала в широкую деревянную бочку. Он наклонился и потянул воду губами в том месте, где она была всего вкуснее, – около замшелого края бочки. Потом посмотрел назад – на низкий белый дом, опоясанный красной геранью, и на длинный сарай около кипариса, где жил один Билли Бак. Под кипарисом стоял большой черный котел – тот самый, в котором шпарили свиные туши. Солнце вставало из-за холма, заливая ослепительными лучами побеленный дом, побеленные надворные постройки, и матово поблескивало на росистой траве. Позади Джоди, в высокой полыни, шурша ее сухой осыпью, сновали птицы; белки пронзительно стрекотали на склонах холма. Джоди смотрел на ферму. Во всем, даже в воздухе, ему чудилась какая-то зыбкость, он чувствовал близость каких-то перемен, потери чего-то и обретения нового, неизведанного. Два больших черных коршуна неслись над холмом близко к самой земле, а их тени плавно и быстро скользили чуть впереди. Где-нибудь поблизости валялась падаль. Джоди знал это наверняка. Может быть,дохлая корова, может быть, заяц. Коршуны своего не упустят. Джоди ненавидел этих птиц, как ненавидит их каждое порядочное существо, но убивать коршунов не полагалось, потому что они подбирают падаль.

Мальчик зашагал вниз по склону холма. Собаки давно бросили его и скрылись в полыни, поглощенные своими собственными делами. Он снова вышел на огород, остановился и раздавил пяткой зеленую дыню, но это не доставило ему ни малейшего удовольствия. Нехорошо так делать, он прекрасно знал это. Он сгреб ногой землю и прикрыл ею раздавленную дыню.

Дома, на кухне, мать взяла его огрубевшие руки в свои и осмотрела ему пальцы и ногти. Наводить на Джоди чистоту перед школой было бесполезно – ведь мало ли что может случиться дорогой. Она вздохнула, увидев у него цыпки, потом дала ему книги и завтрак и отправила в школу за милую от фермы. Она заметила, что сегодня утром губы у Джоди дергаются больше обычного.

Джоди отправился в путь. По дороге он набил карманы кусочками белого кварца и то и дело швырял ими в птиц или в какого-нибудь кролика, зазевавшегося на солнцепеке. У перекрестка за мостом он повстречал двоих приятелей, и они пошли дальше втроем, делая огромные шаги и дурачась, как только могли. Занятия в школе начались всего лишь две недели назад. Мятежный дух еще не угас в школьниках.

Было четыре часа, когда Джоди снова поднялся на холм и посмотрел вниз, на ферму. Он искал глазами верховых лошадей, но в загоне было пусто. Отец еще не вернулся. Тогда Джоди медленно двинулся навстречу дневным трудам. Подойдя к дому, он увидел, что мать сидит на крыльце и штопает чулки.

– Там для тебя оставлены две оладьи, поди возьми их, – сказала она.

Джоди юркнул на кухню и вернулся с полным ртом, почти наполовину прикончив одну оладью. Мать спросила, что у них проходили сегодня в школе, и, не дослушав его невнятного бормотанья, сказала:

– Джоди, смотри, чтобы сегодня ящик с хворостом был набит доверху. Вчера ты клал сучья крест-накрест, там и половины не было. Сегодня клади ровнее. И вот еще что, Джоди: куры прячут яйца, а может, это собаки их съедают. Поищи в траве, нет ли там гнезд.

Не переставая жевать, Джоди сошел со ступенек и принялся за свои домашние дела. Он бросил зерна курам и увидел перепелку, которая клевала вместе с ними. Отцу почему-то нравилось, что перепела залетают на птичий двор. Он не позволял стрелять вблизи дома, боясь, как бы это не спугнуло их.

Когда ящик для хвороста был полон, Джоди взял свое ружье и отправился с ним к холодному ручейку в зарослях полыни. Он снова попил воды, а потом стал целиться во все, что попадалось на глаза, – в камни, в летающих птиц, в большой черный котел под кипарисом, – но только целиться, а не стрелять, потому что патронов у него не было и не будет, пока ему не исполнится двенадцать лет. Если отец увидит, что он прицеливается в сторону дома, разрешение на патроны будет отложено еще на год. Джоди вспомнил об этом и больше не стал наводить дуло вниз по склону холма. Ждать патронов два года и так срок не малый. Почти все отцовские подарки сопровождались какими-нибудь ограничениями, что до некоторой степени снижало их ценность. Это называлось дисциплиной.

Отца ждали с ужином до темноты. Когда наконец он вошел в столовую вместе с Билли Баком, Джоди учуял, что от них восхитительно пахнет коньяком. Он возликовал в глубине души, потому что, когда в комнате вот так пахло, отец часто разговаривал с ним, случалось даже, рассказывал ему о своих проделках в озорные детские годы.

После ужина Джоди сел у камина, и его застенчиво-вежливые глаза так и забегали по углам столовой. Джоди ждал, когда же отец откроет свой секрет, ибо он был уверен, что у отца есть какие-то новости. Но ему пришлось разочароваться. Отец строго показал на него пальцем.

– Ложись спать, Джоди, ты мне утром понадобишься.

Это было не так уж плохо. Джоди любил хозяйственные дела, которые выходили за пределы каждодневной рутины. Он посмотрел себе под ноги, и губы его дернулись, прежде чем с них сорвался вопрос.

– А что мы будем делать утром, резать свинью? – тихо спросил он.

– Ладно, ладно, иди-ка лучше спать.

Затворив за собою дверь, Джоди услышал позади смешки отца и Билли Бака и понял, что они над чем-то подшучивают. А позднее, когда он лежал в постели, стараясь уловить хоть что-нибудь из приглушенного разговора в соседней комнате, до него донесся протестующий голос отца:

– Да что ты, Руфь, я дал за него недорого.

Джоди слышал, как совы охотятся на мышей у сарая, слышал, как ветка яблони постукивает по стене дома. Когда он совсем уже засыпал, где-то невдалеке замычала корова.

На следующее утро Джоди оделся по звону треугольника еще быстрее, чем всегда. Пока он умывался и причесывался на кухне, мать сердито говорила ему:

– Не смей никуда убегать, сначала позавтракай как следует.

Джоди вошел в столовую и сел за длинный белый стол. Он взял с тарелки дымящийся блин, положил на него яичницу, покрыл ее вторым блином и примял все это вилок.

Вошли отец и Билли Бак. По звуку их шагов Джоди догадался, что оба они в башмаках, но все-таки заглянул под стол, чтобы удостовериться в этом. Отец погасил керосиновую лампу, потому что день уже настал; лицо у него было суровое, строгое, а Билли Бак даже не посмотрел на Джоди. Он старался избегать застенчивого, вопрошающего взгляда мальчика и обмакнул в кофе сразу весь ломоть под жаренного хлеба.

Карл Тифлин резко сказал:

– После завтрака пойдешь с нами.

Джоди еле справился с едой; ему казалось, что в самом воздухе чувствуется что-то грозное. Наконец Билли Бак поднял блюдце, выпил с него кофе, расплескавшийся из чашки, вытер руки о штаны, и тогда они с отцом встали из за стола и вышли на светлый по-утреннему двор, а Джоди в отдалении почтительно следовал за ними. Он старался удерживать мысли, чтобы они не забегали вперед, старался удерживать их в полной неподвижности.

Мать крикнула им вдогонку:

– Карл! Смотри, как бы он не задержался, ему в школу идти.

Они прошли мимо кипариса, на ветке которого висела распорка для свиных туш, и мимо черного железного котла, – значит, свиней резать не будут. Солнце вставало над холмом, и от деревьев и построек тянулись по земле длинные черные тени. Они свернули к конюшне, напрямик, по жнивью. Отец Джоди откинул крючок с двери, и они вошли в конюшню. По дороге сюда солнце светило им прямо в лицо. В конюшне было темно, как ночью, а от сена и лошадей веяло теплом. Отец Джоди подошел к стойлу.

– Поди сюда, – скомандовал он.

Джоди уже начинал кое-что различать в темноте. Он заглянул в стойло и быстро отступил назад.

Оттуда на него смотрел рыжий жеребенок-пони. Его уши настороженно стояли торчком, в глазах горел непокорный огонек. Шерсть была совсем грубая и густая, как у эрделя, грива длинная и спутанная. Горло у Джоди свело судорогой, ему перехватило дыхание.

– Его надо как следует почистить, – сказал отец, – и если я когда-нибудь услышу, что ты не кормишь жеребенка или не убираешь стойло, – сейчас же его продам.

Джоди больше не мог смотреть в глаза пони. Он перевел взгляд на свои руки, потом робко спросил:

– Это мне?

Никто не ответил ему. Он протянул руку к жеребенку. Серый нос приблизился к ней, громко втягивая ноздрями воздух, а потом верхняя губа поползла вверх, и сильные зубы прикусили пальцы Джоди. Пони покачал головой вверх и вниз и словно засмеялся от удовольствия. Джоди посмотрел на свои посиневшие пальцы.

– Да-а, – сказал он с гордостью, – да-а, здорово кусается!

Мужчины рассмеялись, видимо, почувствовав облегчение. Карл Тифлин вышел из конюшни и зашагал вверх по склону холма – он был смущен, и ему хотелось побыть одному, но Билли Бак остался в конюшне. Говорить с Билли Баком было легче. Джоди снова спросил:

– Это мне?

Билли заговорил тоном опытного лошадника:

– Тебе, тебе! Конечно, при условии, что ты будешь сам за ним ходить и тренировать его. Я тебя научу, как это делается. Он жеребенок. Ездить на нем еще рано.

Джоди снова протянул свою укушенную руку, и на этот раз рыжий пони позволил почесать себе нос.

– Надо дать ему морковку, – сказал Джоди. – Где вы его купили?

– На аукционе у шерифа, – ответил Билли Бак. В Салинасе прогорел заезжий цирк, остались долги. Шериф пустил их имущество с торгов.

Пони вытянул шею и, мотнув головой, стряхнул набок челку, закрывавшую его бешеные глаза. Джоди провел ему рукой по носу, потом тихо спросил:

– А... седла нет?

Билли Бак засмеялся:

– Я и забыл. Пойдем.

В каретнике он снял с крюка маленькое седло, крытое красным сафьяном.

– Это цирковое, – пренебрежительно сказал Билли Бак. – В зарослях на таком не больно поездишь. Зато дешево купили.

Джоди и тут не верил самому себе, боялся смотреть на седло, боялся вымолвить слово. Он провел кончиками пальцев по блестящему красному сафьяну и после долгого молчания сказал:

– А все-таки на нем оно будет красиво.

Он старался вспомнить самое величественное и самое прекрасное из всего, что знал.

– Если его еще никак не зовут, я придумал ему имя, сказал он. – Гора Габилан.

Билли Бак понимал, что сейчас чувствует Джоди.

– Пожалуй, длинновато. А почему не просто Габилан? Габилан по-индейски – сокол. Красивое имя. – Билли радовался вместе с ним. – Если начешешь у него волос из хвоста, я их сплету. У тебя будет аркан.

Джоди хотелось вернуться назад в стойло.

– Как по-твоему, можно мне сводить его в школу, показать ребятам?

Но Билли покачал головой.

– Он еще узды не знает. Мы с ним замучились дорогой. Пришлось чуть ли не силком тащить. А сейчас тебе пора в школу.

– Я сегодня приведу ребят, пусть посмотрят, – сказал Джоди.

Днем шестеро мальчиков, опустив головы, работая локтями, тяжело отдуваясь, сбежали с холма на полчаса раньше обычного времени. Они пронеслись мимо дома и свернули к конюшне напрямик, через жнивье. И там, оробев, остановились перед пони, а потом взглянули на Джоди глазами, полными нового для них восхищения и новой почтительности. До сих пор Джоди был мальчик как мальчик в комбинезоне и синей рубашке, как у всех; мальчик, который был тише многих ребят и даже слегка подозревался в трусливости. Но теперь он стал совсем другим. Откуда то из тысячелетней дали к ним пришло то уважение, которое питает к всаднику пешеход. Они почувствовали, что человек верхом на лошади и духовно и физически больше человека, который идет пешком. Они почувствовали, что чудесная сила подняла когда-то равного им во всем Джоди и поставила его над ними.

Габилан высунул голову из стойла и принялся к мальчикам.

– Что же ты не едешь на нем? – закричали они. – Что же ты не вплетишь ему ленточки в хвост, как на ярмарке? Когда же ты будешь на нем ездить?

Джоди расхрабрился. Он тоже почувствовал в себе величие всадника.

– Нет, ему рано. На нем еще нельзя ездить. Я буду гонять его на корде. Билли Бак меня научит.

– Неужели нам и поводить его нельзя? Ну, хоть немножко?

– Да он еще узды не знает, – сказал Джоди. Ему хотелось, чтобы никого вокруг не было, когда он в первый раз выведет пони из стойла. – Пойдемте, я покажу вам седло.

При виде красного сафьянового седла мальчики потеряли дар речи, седло просто сразило их.

– В зарослях на таком не больно поездишь, – пояснил Джоди, – а все-таки на нем оно будет красиво. А если поеду в заросли, – что ж, можно и без седла.

– Как же ты заарканишь корову без луки?

– Ну, может, у меня будет еще одно седло, на каждый день. Папа хочет, чтобы я помогал ему со стадом.

Он дал им ощупать красное седло, показал уздечку с медным налобником и большими медными бляхами. Уздечка была просто загляденье. Мальчикам уже пора было уходить, и

каждый из них перебирал в уме свои сокровища, отыскивая среди них то, что не стыдно будет предложить за разрешение покататься на рыжем пони, как только придет время седлать его.

Джоди обрадовался, когда они ушли. Он снял с гвоздя щетку и скребницу, отодвинул засов и осторожно вошел в стойло. Пони сверкнул глазами и круто повернулся, приготовившись ударить задом. Но Джоди дотронулся до его плеча, почесал ему крутую, выгнутую шею, совсем как Билли Бак, и сказал нараспев низким, грудным голосом: «О-о, коня-яш...» Пони мало-помалу успокоился. Джоди стал чистить его щеткой и скребницей, и скоро на полу накопился ворох вычесанных волос, а рыжая шерсть пони покрылась глянцем. Джоди никак не мог кончить, ему все казалось, что этого мало, что надо еще лучше. Он заплел гриву косичками, заплел челку, потом опять расчесал их и пригладил щеткой.

Джоди не слышал, как в конюшню вошла мать. Она пожаловала сюда сердитая, но, взглянув на пони и на возившегося с ним Джоди, вдруг почувствовала, как сердце ее наполнилось гордостью.

– А про хворост ты забыл? – мягко спросила она. – Скоро стемнеет, а дома ни щепочки, и куры не кормлены.

Джоди быстро сложил щетку и скребницу.

– Забыл, мама.

– Давай уговоримся так: ты сначала делай все свои дела, тогда ничего не забудешь. Если за тобой не приглядывать, ты теперь все будешь забывать.

– Мама, можно мне носить ему морковь с огорода?

Она подумала, прежде чем ответить.

– Ну что ж... Только молодую не рви, выбирай, которая покрупнее.

– От моркови шкура становится шелковистая, – сказал Джоди, и сердце у матери снова наполнилось гордостью.

С тех пор как на ферму привели пони, Джоди уже не дожидался, когда треугольник поднимет его с кровати. Он вставал прежде, чем просыпалась мать, одевался и тихонько шел в конюшню посмотреть на Габилана. В серой предрассветной тишине, когда земля, полынь, постройки, деревья были, как на негативе, в два цвета серебристо-серый и черный, Джоди, крадучись, шел к конюшне мимо дремлющих камней и дремлющего кипариса. Индюшки, забравшиеся на дерево, чтобы не попасться на зубы койоту, курлыкали сонными голосами. Поля серо поблескивали, словно тронутые инеем, и следы кроликов и полевых мышей четко виднелись по росе. Добродушные псы, еще не размявшиися после сна, выходили из своих конур со вздыбленной шерстью на загривках и глухо ворчали. Потом, учуяв Джоди, оба они – Бой с толстым длинным хвостом и начинающий пастух Молодец – поднимали хвосты, приветливо помахивали ими и лениво возвращались каждый в свое теплое логово.

Все казалось таким необычным в эти часы, а путь к конюшне таким таинственным, словно продолжение сна. Первые дни Джоди было приятно мучить себя дорогой: а что, если Габилана не окажется в стойле или, еще хуже, что, если его там никогда и не было? Джоди терзал себя и другими сладостно-мучительными мыслями. А вдруг крысы прогрызли дыру в красном седле? Вдруг мыши обкусили Габилану весь хвост, и от него осталась теперь одна кочерыжка. Последние несколько футов Джоди летел во весь дух. Он отодвигал ржавый засов и входил в конюшню, но даже если дверь отворялась совсем бесшумно, Габилан все

равно смотрел на Джоди поверх загородки. Габилан тихо ржал и бил передней ногой об пол, а в глазах у него светились красные искорки, словно там тлели угольки от дубовых поленьев.

В те дни, когда в поле шли работы, Джоди заставлял Билли Бака в конюшне за чисткой и запряжкой лошадей. Билли становился с ним рядом и долго смотрел на Габилана и рассказывал Джоди много всякой всячины о лошадях. Он говорил, что лошадь больше всего бережет ноги, и, чтобы она перестала бояться за них, ей надо оглаживать копыта и лодыжки. Он рассказывал Джоди о том, как лошади любят, когда с ними разговаривают. С пони тоже нужно разговаривать и все ему объяснять. Билли не ручался, что лошадь поймет каждое сказанное ей слово, но сколько она всего понимает, даже представить себе трудно. Лошадь никогда не станет баловать зря, если она любит человека и этот человек все ей объясняет. Билли приводил много примеров. Вот, скажем, одна лошадь, бывало, чуть не падает – так уходит, а стоит ей только объяснить, что до дома недалеко, и она сразу приободрится. А другая однажды испугалась – и ни назад, ни вперед со страху; ездок объяснил ей, что бояться нечего, и вмиг все прошло. Во время этих утренних бесед Билли Бак нарезал штук двадцать–тридцать соломинок одинаковой длины и засовывал их за ленту на шляпе. Днем, когда ему хотелось поковырять в зубах или просто пожевать что-нибудь, соломинки всегда были под рукой.

Джоди слушал Билли Бака внимательно: он знал, да и по всей округе знали, что в лошадиных делах Билли мастак. У Билли был свой собственный конь – поджарый, головастый индейский пони, – и этот пони брал первые призы на состязаниях. Билли ухитрялся в один миг заарканить молодого быка риатой, захлестнуть его двойной петлей за один рог и спешиться, а дальше пони уже сам маял быка, как рыболов мает рыбу на крючке, не ослабляя риаты до тех пор, пока бык не падал наземь и не прекращал борьбы.

По утрам, почистив пони щеткой и скребницей, Джоди открывал загородку в стойле, и Габилан пролетал мимо него и неся из конюшни в загон. Там он описывал круг за кругом на галопе и иногда делал прыжок и опускался на все четыре ноги. Он замирал на месте, весь дрожа, поставив уши торчком, и в притворном испуге так косил глазом, что только белки сверкали. Потом, пофыркивая, подходил к колоде и погружал туда морду по самые ноздри. В эти минуты Джоди гордился своим пони – он знал, что о лошади судят по тому, как она пьет. Плохая лошадь касается воды одними губами, а хороший, горячий конь погружает чуть не весь храп, так, чтобы только можно было дышать.

И Джоди стоял, не спуская с Габилана глаз, и видел в нем то, что ему никогда не приходилось замечать в других лошадях, – ровную, сбегаящую книзу мускулатуру на ляжках, жилы на крупе, стягивающиеся в узлы, как рука, сжатая в кулак, и глянец, который наводит солнце на рыжую шерсть. Видя вокруг себя лошадей всю свою жизнь, Джоди никогда особенно не присматривался к ним. Но теперь он замечал, что подвижные уши придают выражение морде, и не какое-нибудь одно, постоянное, а разные. Пони разговаривал ушами. По тому, как у него стояли уши, можно было судить о его отношении к той или иной вещи. Иногда они были вытянуты в струнку, иногда торчали врозь. Они прядали назад, когда он пугался или злился, устремлялись вперед, когда он вдруг настораживался или был чем-нибудь заинтересован, доволен; положение ушей в точности соответствовало его ощущениям.

Билли Бак сдержал свое слово. Ранней осенью приступили к тренировке. Начали с недоуздка, и это было самое трудное, потому что это было начало. Джоди держал в руке морковку, завлекал, заманивал ею Габилана и тянул его за повод. Сопrotивляясь, пони упирался всеми четырьмя ногами, точно осёл. Но вскоре он постиг эту науку. Джоди ходил по всей ферме, водя за собой Габилана. Постепенно он стал ослаблять повод, и пони следовал за ним сам, без принуждения.

Потом началась тренировка на корде. Эта работа двигалась еще медленнее. Джоди стоял в середине круга, держа в руке длинную корду. Он щелкал языком, и пони шел по кругу шагом.

Джоди щелкал языком во второй раз, пускал пони рысцой, потом в третий – и пони переходил на галоп. Габилан скакал круг за кругом, дробно стуча копытами, и безмерно наслаждался пробежкой. Потом Джоди кричал: «Стоп!» – и пони останавливался. Не много времени потребовалось на то, чтобы научить Габилана проделывать все это без запинки. И тем не менее бывали дни, когда он вел себя из рук вон плохо. Он кусал Джоди за ляжки, наступал Джоди на ноги. Бывало и так, что он прижимал уши и норовил ударить мальчика задом. И после каждой такой выходки Габилан пятился назад и словно смеялся, довольный сам собой.

Билли Бак плел аркан по вечерам, у камина. Все это время Джоди собирал конский волос в мешочек, и каждый вечер он сидел возле Билли и следил за медленно подвигающейся работой. Билли брал несколько волосков и, ссучив их ладонями, скручивал по две таких прядки и из них плел аркан. Закончив кусок, Билли катал его ногой по полу, чтобы он стал круглый и жесткий.

Тренировка на корде быстро шла к блистательному концу. Отец Джоди пришел однажды посмотреть, как пони по команде то останавливается, то снова идет по кругу рысью или галопом, и ему это не понравилось.

– Без малого дрессированный получается, – недовольно сказал он. – Не люблю дрессированных лошадей. Выделывают всякие фокусы, а... а благородства в них ни на грош. Что дрессированная лошадь, что актер – ни благородства, ни характера! – И отец добавил: – Приучай-ка ты его к седлу, так лучше будет.

Джоди со всех ног бросился в каретник. За несколько дней до этого он уже начал привыкать к седлу, кладя его на козлы для пилки дров. Он то укорачивал, то снова отпускал стремяна и никак не мог установить нужную длину. Иной раз, сидя верхом на козлах, Джоди выезжал далеко за пределы каретника, увешанного по стенам хомутами, подпругами, уздечками. Поперек седла у него лежала винтовка. Мимо проносились поля – он смотрел на них и слышал цоканье копыт мчавшегося галопом скакуна.

Трудная это была работа – оседлать пони в первый раз. Габилан приседал на задние ноги, становился на дыбы и сбрасывал седло, не давая затянуть подпругу. Приходилось начинать снова – здорово, и так до тех пор, пока пони не согласился терпеть седло у себя на спине. С подпругой тоже было немало хлопот. День ото дня Джоди подтягивал ее чуть туже, и, наконец, седло перестало беспокоить пони.

Потом настал черед уздечки. Билли сказал, что на первых порах надо класть Габилану в рот кусок солодкового корня вместо удил, и пояснил при этом:

– Конечно, силой всего можно добиться, но лошади это не пойдет на пользу. Вечно она будет чего-то побаиваться, и если станет слушаться тебя, то не по собственной воле, а по принуждению.

Когда пони взнуздали в первый раз, он непрестанно крутил головой и так мусолил языком удила, что в уголках рта у него выступила кровь. Он терся мордой о кормушку, пытаясь сорвать с себя уздечку. Он прядал ушами, глаза у него налились кровью от страха и неистовой злобы. Джоди ликовал, зная, что только никудышная лошадь не бунтует против тренировки.

И Джоди пробирала дрожь при одной только мысли о том, как он сядет в седло. Пони, наверно, сбросит его. Ничего позорного в этом нет. Он опозорится только в том случае, если не вскочит сейчас же на ноги и не сядет в седло. Ему часто снилось, как он валяется в пыли и плачет и не может заставить себя снова сесть верхом. Стыд, испытанный во сне, обычно терзал его все утро.

Габилан рос быстро. Это был уже не долговязый жеребенок – он выровнялся, грива у него стала длинная и темная, от скребницы и щетки шерсть блестела, словно оранжево-красный лак. Джоди смазывал ему копыта маслом и постоянно подчищал их, чтобы не было трещин.

Аркан был почти готов. Отец подарил Джоди старые шпоры, сжал их по бокам, подрезал ремешки, укоротил цепочки по ноге. И вот в один прекрасный день Карл Тифлин сказал:

-Я и не думал, что твой пони так быстро подрастет. Пожалуй, в День благодарения можно будет его попробовать. Ну как, усидишь?

– Я не знаю, – застенчиво сказал Джоди. До праздника оставалось всего три недели. Джоди надеялся, что дождя в этот день не будет, потому что красное седло могло испортиться под дождем.

Габилан уже знал и любил своего хозяина. Он встречал Джоди ржанием, когда тот шел к нему через жнивье, и прибегал с луга на хозяйский свист. У Джоди всегда была припасена для него морковка.

Билли Бак неустанно обучал Джоди правилам верховой езды:

– Как сядешь в седло, сжимай лошади бока шенкелями и руки держи подальше от луки. Если сбросит, не сдавайся. На всякого наездника, даже на самого хорошего, найдется такая лошадь, которая сможет его сбросить. Если упадешь, сейчас же взбирайся обратно, не давай ему заважничать. А там, глядишь, он тебя и не сбросит, глядишь ему и не изловчиться. Вот так с ними и надо поступать.

– Дай бог, чтобы дождя не было, – сказал Джоди.

– А что тебе дождь? Боишься в грязи вывалиться?

Отчасти это было верно, но, кроме того, Джоди боялся, что, став на дыбы, Габилан поскользнется, придавит его и сломает ему ногу или бедро. Джоди приходилось видеть такие случаи, приходилось видеть, как наездники корчились на земле, точно раздавленные букашки, и ему было заранее страшно.

Он практиковался на козлах, как надо держать поводья и шляпу: поводья в левой руке, шляпу – в правой. Если руки будут заняты, он не станет хвататься за луку, когда почувствует, что сползает с седла. Ему даже думать не хотелось о том, что случится, если он ухватится за луку. Отец и Билли Бак, наверно, перестанут разговаривать с ним – так им будет стыдно за него. Все об этом узнают, и матери тоже будет стыдно. А в школе... Этого и представить себе нельзя.

Он уже начал становиться левой ногой в стремя, но перебрасывать правую через спину Габилана все еще не решался. Это было запрещено до праздника.

Каждый день Джоди седлал пони и все туже затягивал подпругу у красного седла. Пони уже научился раздувать брюхо до совершенно противоестественных размеров, когда подтягивали подпругу, и выпускать дух, когда пряжка была застегнута. Джоди водил его к зарослям полыни и поил из круглой зеленой бочки; водил по жнивью на вершину холма, откуда были видны геометрически правильные квадраты полей, дубы, общипанные снизу овцами, и белый городок Салинас. Иной раз они продирались сквозь полынную чащу и выходили на маленькие плешины голой земли, которые полынь окружала такой плотной стеной, что казалось, весь мир отступал куда-то вдаль и от прежнего не оставалось ничего – только кусочек неба и кольцо полыни. Габилан любил такие путешествия и выражал свое удовольствие тем, что высоко задирает голову и раздувал дрожащие от любопытства ноздри. Когда Джоди и Габилан возвращались с таких прогулок, от них обоих прямо пахло полынью, сквозь которую они

прокладывали себе путь.

Время, оставшееся до праздника, тянулось медленно, но зима наступала быстро. Тучи обложили все небо и целыми днями нависали над землей, задевая вершины холмов, а по ночам пронзительно завывал ветер. Сухие дубовые листья день-деньской падали на землю и наконец совсем запорошили ее, но деревья стояли все такие же, их ничто не могло изменить.

Джоди так хотелось, чтобы до праздника не было дождя, но дожди все же начались. Бурая земля почернела, деревья влажно поблескивали. Короткое жнивье покрылось плесенью на срезе, копны сена стояли серые под дождем, а мох на крышах, летом серый, точно ящерица, теперь отливал желтизной, подернутой яркой прозеленью. Всю эту дождливую неделю Джоди держал пони в сухом стойле и, только возвращаясь из школы, выводил его поразмяться немного и напоить водой из колоды в верхнем загоне. Габилан ни разу не попал под сильный дождь.

Сырая погода продержалась до новых всходов травы. Джоди ходил в школу в непромокаемом плаще и в коротких резиновых сапогах. И вдруг как-то утром в небе ярко заблестало солнце. Убирая стойло, Джоди спросил Билли Бака:

– А может, оставить Габилана в загоне, пока я буду в школе?

– Что ж, пускай погрееется на солнышке, – ответил Билли. – Животное не любит подолгу стоять взаперти. Мы с твоим отцом пойдем прочищать ручей, его весь листьями засыпало. – Билли кивнул головой и поковырял в зубах соломинкой.

– А если пойдет дождь... – нерешительно сказал Джоди.

– Нет, сегодня вряд ли. Выждало как следует. – Билли подтянул рукава и щелкнул резинками. – А если пойдет, от маленького дождя лошади худа не будет.

– Все-таки, если пойдет, поставь его в стойло. Хорошо, Билли? Я боюсь, вдруг он простудится, тогда нельзя будет выехать на нем в праздник.

– Что ж, ладно. Если не задержимся там, я за ним присмотрю. Да нет, сегодня дождя не будет.

И Джоди ушел в школу, оставив Габилана в загоне.

Билли Бак ошибался редко. Это было несвойственно ему. Но в этот день он ошибся, потому что вскоре после полудня над холмами собрались тучи, и полил дождь. Джоди слышал, как первые дождевые капли застучали по школьной крыше. Он хотел было поднять руку, отпроситься в уборную, а очутившись на свободе, ринуться домой и отвести пони в стойло. Наказание не заставило бы себя ждать ни в школе, ни дома. И он отказался от своего плана и успокаивал себя, вспоминая слова Билли, что от дождя лошади худа не будет. Когда уроки кончились, он побежал домой сквозь темную пелену дождя. С насыпи по обеим сторонам дороги сбегали вниз ручейки мутной воды. Холодный, порывистый ветер гнал перед собой косые струи. Джоди трусил домой, шлепая по размытому гравию дороги.

С вершины холма он увидел в загоне жалко понурившегося Габилана. Его потемневшая до черноты шерсть была исполосована дождевыми струями. Он стоял, опустив голову, повернувшись задом к дождю и ветру. Джоди во весь дух сбегал с холма, распахнул двери конюшни и, ухватив промокшего пони за челку, ввел его в стойло. Потом он отыскал мешок и протер им мокрую спину, ноги и лодыжки Габилана. Габилан терпеливо сносил все это, но по телу его, словно порывы ветра, пробегала дрожь.

Вытерев пони по возможности досуха, Джоди сбегал домой, принес в конюшню ведро горячей воды и засыпал туда овса. Габилан не очень проголодался. Он лениво цедил горячее месиво и все еще вздрагивал. От его влажной спины поднимался пар.

Было уже почти темно, когда Билли Бак и Карл Тифлин вернулись домой.

– Мы думали переждать у Вена Херча, а дождь заладил чуть не на весь день, – пояснил Карл Тифлин.

Джоди укоризненно посмотрел на Билли Бака, и Билли почувствовал свою вину.

– Ты же сказал, что дождя не будет, – упрекнул его Джоди.

Билли отвел глаза в сторону.

– Такое уж время года, не угадаешь, – сказал он, но его оправдание прозвучало малоубедительно, и Билли сам знал это.

– Пони промок, прямо до костей промок.

– Ты его вытер?

– Да, растер мешком и засыпал овса в горячую воду.

Билли одобрительно кивнул.

– Как ты думаешь, Билли, он простудился?

– От такого дождя худа не будет, – успокоил его Билли.

Отец Джоди вмешался в их разговор и прочел мальчику нотацию.

– Лошадь, – сказал он, – это тебе не комнатная собачонка. – Карл Тифлин ненавидел все изнеженное, немощное и с глубочайшим презрением относился к чужой беспомощности.

Мать Джоди подала на стол блюдо с жареной говядиной, отварную картошку и тыкву, и комнату заволкло паром. Сели ужинать. Карл Тифлин продолжал ворчать по адресу тех, кто нянчится с животными и с людьми и делает из них каких-то неженков.

Билли Бак все еще не мог пережить свой промах.

– Ты покрыл его попоной? – спросил он.

– Нет, мешками. Попоны я не нашел.

– После ужина пойдем туда вместе, накроем его попоной.

У Билли немного отлегло от сердца. Когда отец Джоди пересел к камину, а мать занялась посудой, Билли отыскал фонарь и зажег его. Они с Джоди пошли по грязи к конюшне. Там хорошо пахло, и было темно и чуть душно. Лошади все еще жевали заданное с вечера сено.

– Держи фонарь, – сказал Билли.

Он пощупал Габилану ноги, провел ладонью по ляжкам, не горячие ли. Потом прижался щекой к его серому храпу, завернул ему веки, посмотрел глазные яблоки, посмотрел десны, подняв верхнюю губу, сунул пальцы в ухо.

– Да, что-то невеселый, – сказал Билли. – Надо его растереть как следует.

Билли взял мешок и стал сильно растирать Габилану сначала ноги, потом грудь и холку. Габилан отнесся к этому с какой-то странной безучастностью. Он терпеливо позволял растирать себя. Кончив растирание, Билли принес из каретника старую холщовую попону, накинул ее пони на спину и завязал шнурки у шеи и на груди.

– К утру будет как встрепанный, – сказал Билли.

Когда Джоди вернулся домой, мать подняла голову от посуды и посмотрела на него.

– Тебе давно пора спать, – сказала она. Потом взяла его за подбородок своей заскорузлой рукой, откинула ему волосы, спадавшие на глаза, и сказала: – Не беспокойся ты о своем пони. Он поправится. Билли все знает лучше любого ветеринара.

До этой минуты Джоди и не подозревал, что мать замечает его тревогу. Он осторожно увернулся от нее и, опустившись на колени у камина, стоял там до тех пор, пока ему не начало припекать живот. Он прожарился как следует и пошел спать, но уснуть сегодня было трудно. Когда он проснулся, ему показалось, что ночь прошла. В комнате было темно, хотя окно уже посерело, как это бывает перед рассветом. Он встал с кровати, разыскал свой комбинезон, сунул на ощупь ногу в штанину, и в это время в соседней комнате часы пробили два. Джоди положил комбинезон на стул и снова лег в постель. Когда он проснулся во второй раз, было уже совсем светло. Впервые в жизни Джоди проспал и не услышал треугольника. Он вскочил с кровати, оделся наспех и вышел из комнаты, застегивая на ходу рубашку. Мать проводила его взглядом и снова спокойно принялась за работу. Глаза у нее стали задумчивые и добрые. Время от времени она еле заметно улыбалась, но это не меняло выражения ее глаз.

Джоди побежал к конюшне. Уже на полдороге он услышал те звуки, которых страшился заранее, – сухой, сиплый лошадиный кашель. Он припустил быстрее. В конюшне около пони стоял Билли Бак. Билли растирал ему ноги своими сильными, мускулистыми руками. Он поднял голову и весело улыбнулся.

– Простыл немножко, – сказал Билли. – Полечим его, и дня через два все пройдет.

Джоди посмотрел на Габилана. Глаза у него были полузакрыты, веки припухли и воспалились. В уголках глаз скопился подсохший гной. Уши разошлись врозь, голова была низко опущена. Джоди поднял руку, но пони не потянулся к ней. Он кашлянул, подавшись всем станом вперед. Из ноздрей у него прозрачной струйкой сочилась слезь.

Джоди оглянулся на Билли Бака.

– Он сильно заболел, Билли.

– Я же тебе говорю – простыл немножко, – стоял на своем Билли. – Ты поди позавтракай и соберись в школу. Я за ним присмотрю.

– А вдруг у тебя будут другие дела? Вдруг ты уйдешь отсюда?

– Нет, я не уйду. Я его не брошу. Завтра суббота. Завтра сиди около него хоть весь день.

Билли сделал еще один промах, и это не давало ему покоя. Теперь пони надо было вылечить во что бы то ни стало.

Джоди вернулся домой и с отсутствующим видом сел за стол. Яичница и грудинка уже остыли и покрылись салом, но он не заметил этого и съел свою обычную порцию. Он даже не стал просить, чтобы ему позволили пропустить уроки в школе. Убирая его тарелку, мать откинула

ему волосы со лба.

– Билли побудет с твоим пони, – уверенно сказала она.

Он томился в школе, не чая, когда кончатся занятия. Он не мог ответить ни на один вопрос, не мог прочесть ни одной строчки. Он даже не решался сказать кому-нибудь, что пони заболел, боясь, как бы Габилану не стало еще хуже от этого. И когда уроки кончились, побрел домой, с ужасом думая о том, что его ждет там. Он шел медленно и скоро отстал от товарищей. Ему хотелось все идти, идти и так никогда и не приходить на ферму.

Билли был в конюшне, как и обещал, но пони стало хуже. Глаза у него почти закрылись, дыхание со свистом рвалось из груди, словно пробиваясь сквозь какую-то преграду в носу. Часть глазного яблока, видневшуюся из-под век, затягивала мутная пленка. Пони, вероятно, ничего не видел теперь. Он фыркал время от времени, но от этого нос ему закладывало еще больше. Джоди тоскливо смотрел на его шерсть. Она была взъерошенная и потеряла весь свой глянец. Билля молча стоял около загородки. Джоди очень не хотелось спрашивать, но он должен был знать правду.

– Билли, он... он поправится?

Билли сунул руку между перекладинами и пощупал у Габилана под скулой.

– Потрогай вот здесь, – сказал он и положил пальцы Джоди на большую опухоль под нижней челюстью Габилана. – Когда она станет еще больше, я ее вскрою, и ему полегчает.

Джоди быстро отвернулся, потому что ему уже приходилось слышать про такие опухоли.

– А что с ним?

Билли не хотелось отвечать, но ответить было нужно. Он не мог совершить ошибку в третий раз.

– Мыт, – коротко сказал Билли. – Но ты не беспокойся. Вылечим. Я похуже видел, и ничего, выздоравливали. Сейчас надо устроить ему паровую ванну. Ты мне поможешь.

– Хорошо, – несчастным голосом сказал Джоди. Он пошел следом за Билли к ларю с овсом и стал смотреть, как Билли готовит мешок для паровой ванны. Это была длинная холщовая торба с ремешками, которые застегивались позади ушей. Билли насыпал в торбу на одну треть отрубей и добавил две пригоршни сухого хмеля. Потом полил все это карболкой и скипидаром.

– Пока я буду замешивать, ты сбегай домой, принеси котелок кипятку, – сказал Билли.

Когда Джоди вернулся с котелком горячей воды, Билли застегнул за ушами у Габилана верхние ремешки торбы и плотно приладил ее. Потом залил готовую смесь кипятком сквозь небольшое отверстие сбоку. Повалил сильный пар, и пони отпрянул назад, но испарения проникли ему в нос и в легкие и мало-помалу прочистили носоглотку. Он шумно вздохнул. Ноги у него дрожали мелкой дрожью, глаза закрылись от едкого пара. Билли снова подлил кипятку в торбу и продержал ее еще с четверть часа. Наконец он поставил котелок на пол и снял торбу с Габилана. Вид у пони сразу стал лучше. Теперь он дышал свободно, и глаза у него приоткрылись шире.

– Видишь, как помогло! – сказал Билли. – Теперь мы опять накроем его попоной. Может быть, к утру совсем поправится.

– Я останусь с ним на ночь, – сказал Джоди.

– Нет, это ни к чему. Я принесу свое одеяло и лягу здесь на сене. Ты с ним завтра побудешь, а если понадобится, сделаешь ему паровую ванну.

Уже вечерело, когда они пошли домой ужинать. Джоди даже не подумал о том, что кто-то покормил за него кур и наложил хворосту в ящик. Он прошел мимо дома к темным зарослям полыни и попил воды из бочки. Родниковая вода была холодная-холодная, от нее заломило зубы и пробрала дрожь. Небо над холмами все еще не померкло. Джоди увидел сокола, который летел так высоко, что лучи заходящего солнца били ему прямо в грудь, и весь он светился, как искра. Два черных дрозда неслись за ним следом и, налетая на своего врага, тоже поблескивали в солнечных лучах. На западе опять собирались тучи.

Пока семья ужинала, отец Джоди не проронил ни слова. Но когда Билли Бак взял свое одеяло и ушел спать в сарай, Карл Тифлин развел жаркий огонь в камине и стал рассказывать разные истории. Он рассказал про дикого человека с лошадиным хвостом и лошадиными ушами, который бегал везде нагишом; рассказал про полузайцев-полукошек, которые водятся в Моро Кохо и лазают по деревьям за птицами. Он извлек из небытия знаменитых братьев Макссуэлл, которые напали на золотоносную жилу и так искусно скрыли все ее следы, что потом и сами ничего не могли найти.

Джоди сидел, подперев руками подбородок, губы у него нервно подергивались, и в конце концов отец понял, что он слушает не очень внимательно.

– Разве не забавно? -спросил он.

Джоди рассмеялся из вежливости и сказал:

– Забавно, сэр.

Отец рассердился и обиделся. Больше в этот вечер он ничего не рассказывал.

Посидев у камина еще несколько минут, Джоди взял фонарь и пошел к конюшне. Билли Бак спал на сене; дыхание у пони было чуть хриплое, но ему явно полегчало. Джоди постоял около него, поглаживая пальцами взъерошенную рыжую шерсть, потом взял фонарь и вернулся домой. Когда он лег в постель, в комнату вошла мать.

– Ты хорошо укрылся? Дело идет к зиме.

– Да, мама.

– Ну, спи спокойно. – Мать, видимо, колебалась, уйти или нет, и постояла у его кровати. – Пони выздоровеет, – сказала она.

Джоди устал за день. Он заснул быстро и не просыпался до самого рассвета. Утром зазвонил треугольник, и Билли Бак подошел к дому, прежде чем Джоди успел выбежать во двор.

– Ну как он? -спросил Джоди.

Билли всегда набрасывался на свой завтрак с жадностью.

– Ничего. Я сегодня вскрою ему нарыв. Тогда, может, полегчает.

После завтрака Билли взял свой самый лучший нож с тонким, как игла, острием. Он долго правил блестящее лезвие на маленьком точильном камне. Не один и не два, а несколько раз пробовал острие и лезвие на мозолистой нашлепке большого пальца и, наконец, провел ножом по щетинистой верхней губе.

Идя к конюшне, Джоди заметил, как быстро начинает подрастать молодая трава и как быстро

исчезает старое жнивье под самосевом. Утро было холодное и солнечное.

Взглянув на Габилана, Джоди сразу понял, что ему стало хуже. Глаза у него были залеплены спекшейся коркой гноя. Он стоял, так низко опустив голову, что почти касался мордой соломенной подстилки. При каждом его вздохе слышался стон, глубокий терпеливый стон.

Билли приподнял слабо поникшую голову и быстро сделал надрез. Джоди увидел, как из раны брызнул желтый гной. Он держал Габилану голову, пока Билли смазывал надрез карболовой мазью.

– Ну, теперь ему полегчает, – уверенно сказал Билли. – Вся болезнь из-за этой желтой гадости.

Джоди взглянул на Билли Бака, не веря его словам.

– Он тяжело болен.

Билли долго думал, прежде чем ответить ему. Он уже был готов бросить небрежным тоном что-нибудь успокоительное, но вовремя удержался.

– Да, тяжело... – сказал он наконец. – Но я не таких видал, и то поправлялись. Если это не воспаление легких, тогда вылечим. Ты побудь здесь. Станет хуже, прибежишь за мной.

Билли ушел, а Джоди долго стоял около пони, поглаживая его за ушами. Пони уже не скидывал голову, как раньше, когда он был здоров. Стоны, сопровождавшие каждый его вздох, звучали все глуше и глуше.

Бой заглянул в двери конюшни, вызывая помахивая толстым хвостом, и его здоровый вид так рассердил Джоди, что он схватил с пола сухой черный ком земли и швырнул им в собаку. Бой с визгом побежаллизывать ушибленную лапу.

Билли Бак вернулся ближе к полудню и сделал Габилану еще одну паровую ванну. Джоди ждал, полегчает ли пони и на этот раз. Дыхание стало немного свободнее, но головы Габилан уже не поднимал.

Время тянулось медленно. В конце дня Джоди сходил домой, принес оттуда подушку и одеяло и устроил себе постель на сене. Он не стал спрашивать разрешения на это. По тому, как мать посмотрела на него, Джоди понял, что сейчас ему позволят почти все. Он зажег на ночь фонарь и повесил его возле стойла. Билли велел время от времени растирать Габилану ноги.

Ветер, поднявшийся с девяти часов, завывал около конюшни. И, несмотря на свою тревогу, Джоди почувствовал, что его клонит ко сну. Он залез под одеяло и задремал, но хриплые стоны Габилана проникали и в его сны. А еще Джоди слышал, как где-то что-то грохнуло, и этот грохот длился бесконечно и, наконец, разбудил его. По конюшне гулял ветер. Джоди вскочил и посмотрел вдоль прохода между стойлами. Дверь стояла настежь, и пони в конюшне не было.

Он схватил фонарь, выбежал навстречу ветру и увидел Габилана, который брел куда-то в темноту, опустив голову и, словно автомат, медленно переступая ногами. Джоди подбежал к нему, схватил его за челку, и Габилан покорно дал отвести себя в стойло. Он натужно стонал, дыхание со свистом вырывалось у него из ноздрей. Джоди больше не спал в эту ночь. Сиплое дыхание пони становилось все громче и протяжнее.

Джоди обрадовался, когда Билли Бак вошел на рассвете в конюшню. Билли долго смотрел на

пони, словно впервые видя его. Он пощупал ему ляжки и уши.

– Джоди, – сказал он, – мне придется тут кое-что сделать, а тебе лучше не смотреть на это. Иди домой, побудь пока там.

Джоди вцепился ему в локоть.

– Ты застрелишь его?

Билли похлопал мальчика по руке.

– Нет. Ему надо прорезать маленькое отверстие в дыхательном горле, а то он дышать не может. Нос совсем заложило. А когда поправится, поставим на это место маленькую медную затычку.

Джоди при всем своем желании не мог бы уйти сейчас из конюшни. Страшно видеть, как рыжую шкуру разрежут ножом, но еще ужаснее знать, что ее режут, и не видеть этого.

– Я не уйду, – с болью сказал он. – А без этого нельзя?

– Нет, нельзя. Хочешь остаться, тогда поддержи ему голову. Конечно, если не боишься, что будет тошнить.

Снова появился острый нож, и его снова подточили так же тщательно, как и в первый раз. Джоди задрал пони голову, чтобы шея у него была вытянута, пока Билли нащупывает место. Джоди всхлипнул только раз, когда острие блестящего ножа ушло в горло пони. Габилан слабо попятился назад и замер, дрожа всем станом. Кровь густо струилась по ножу, по пальцам Билли и стекала ему за обшлаг. Уверенная квадратная рука прорезала круглую дырку, и оттуда вместе с мелкими брызгами крови вырвался воздух. Глоток кислорода сразу придал Габилану сил. Он ударил задом, рванулся, пытаясь встать на дыбы, но Джоди не давал ему поднять голову, а Билли тем временем смазывал новую ранку карболовой мазью. Все было сделано как надо. Кровь остановилась, и ранка равномерно всасывала воздух и с бульканьем выпускала его обратно.

Дождь, который пригнало сюда ночным ветром, застучал по крыше конюшни. Потом послышался звон треугольника, сзывавший к завтраку.

– Ты сходи поешь, а я побуду здесь, – сказал Билли. – Надо последить, чтобы ранка не затягивалась.

Джоди медленно вышел из конюшни. Ему было так тоскливо, что даже не хотелось рассказывать Билли, как дверь распахнуло ветром и как пони ушел из конюшни. Он вышел на влажный свежий воздух и зашагал по грязи к дому, с каким-то злобным наслаждением разбрызгивая каждую лужу. Мать накормила его и переодела во все сухое. Она ни о чем не спрашивала Джоди. Она понимала, что сейчас не время задавать вопросы. Но когда Джоди опять собрался в конюшню, она сняла с плиты кастрюльку с горячей едой.

– Отнеси ему, – сказала она.

Но Джоди не взял кастрюльки. Джоди сказал; «Он сейчас не будет есть», – и выбежал из дому. В конюшне Билли показал ему, как надо наматывать вату на палочку к протирать ранку, чтобы ее не затянуло слизью.

Отец Джоди зашел в конюшню и долго стоял вместе с ними около пони. Потом он повернулся к мальчику:

– Мне надо кое-куда съездить. Хочешь, возьму тебя?

Джоди покачал головой.

– Пойдем, пойдем. Совсем тебе здесь не место, – настаивал отец.

Билли сердито крикнул:

– Оставьте вы его в покое. Ведь хозяин-то пони он, а не кто другой!

Карл Тифлин ушел, не сказав ни слова. Он обиделся на них.

Все утро Джоди следил, чтобы ранка не затягивалась и свободно пропускала воздух. В полдень Габилан устало повалился на бок и вытянул шею.

Вернулся Билли.

– Если ты хочешь остаться с ним на ночь, тогда пойдя вздремни малость, – сказал он.

Машинально повинуюсь, Джоди вышел из конюшни. В безоблачном небе была холодная прозрачная голубизна. Птицы носились взад и вперед, подбирая червей, выползших после дождя на поверхность земли.

Джоди добрел до зарослей полыни и сел на край замшелой бочки. Он смотрел с холма на дом, на старый сарай, на темный кипарис. Все это было хорошо знакомо ему, и во всем этом чувствовалась какая-то странная перемена. Знакомые места словно стали всего лишь рамкой для того, что случилось за последние дни. С востока дул холодный ветер, обещающий короткую передышку после дождя. Под ногами у Джоди молодая трава раскинула над землей свои тонкие руки. Грязь около ручейка пестрела множеством перепелиных следов.

Бой, застенчиво извиваясь всем телом, подбежал к нему со стороны огорода, и, вспомнив про свою вчерашнюю несправедливость, Джоди обнял пса за шею и поцеловал его в широкий черный нос. Бой сидел смиренно, точно чувствуя, какие серьезные события происходят сейчас, и только постукивал толстым хвостом о землю. Джоди вытащил клеща, впившегося Бою в загривок, и раздавил его ногтями. Ему стало противно. Он вымыл руки в холодной родниковой воде.

Тишину, стоявшую на ферме, нарушал лишь ровный гул ветра. Джоди знал, что мать не рассердится, если он не придет к полднику. Он встал и медленно побрел назад к конюшне. Бой залез в свою конуру, тихонько заскулил и не умолкал долго-долго.

Билли Бак встал с ящика и бросил ненужную теперь палочку с ватой. Пони все еще лежал на боку, края раны расходились и смыкались у него вместе с дыханием. Когда Джоди увидел, какая сухая и мертвая стала шерсть Габилана, он понял наконец, что надеяться не на что. Ему приходилось видеть такую же мертвую шерсть у собак, у коров, и это всегда служило верным признаком близкого конца. Он тяжело опустился на ящик и снял перекладину, загораживающую вход в стойло. Он долго смотрел на непрестанно расходившиеся края раны и наконец уснул, и время до вечера пробежало незаметно. В сумерках мать принесла миску с тушеным мясом, поставила ее перед ним и ушла. Джоди поел немножко, а когда совсем стемнело, он поставил фонарь на пол около самой головы пони, чтобы можно было следить за раной и прочищать слизь. Он опять заснул и проснулся ночью от холода. Сильный ветер нес стужу с севера. Джоди взял свое одеяло, лежавшее на сене, и закутался в него. Теперь Габилан дышал спокойно, края раны еле заметно расходились. Совы с криком пролетали по сеновалу, выискивая мышей. Джоди закрыл голову руками и уснул. Даже во сне он чувствовал, что ветер усиливается и гуляет по всей конюшне.

Когда он проснулся, уже рассвело. Дверь конюшни была распахнута настежь. Габилана в стойле не было. Джоди вскочил и выбежал во двор, на яркий утренний свет.

Следы пони четко виднелись на молодой траве, покрытой сероватой, как иней, росой, – усталые следы, и между ними полоски на траве от волочившихся копыт. Они вели к зарослям полыни на склоне холма. Джоди бросился бегом, не теряя их из виду. Солнце поблескивало на острых гранях белого кварца, кое-где проглядывавшего из земли. Чья-то тень пересекла путь Джоди. Он взглянул вверх и увидел черных коршунов, кружившихся высоко в небе, и эта медленно кружившаяся стая спускалась все ниже и ниже. Зловещие птицы скоро исчезли за гребнем холма. Джоди побежал еще быстрее, подгоняемый страхом и яростью. Наконец следы подвели его к зарослям и пошли дальше, петляя между высокими кустами полыни.

На вершине холма у Джоди перехватило дыхание. Он остановился, тяжело отдуваясь. Кровь гулко пульсировала у него в ушах. И в эту минуту он увидел то, что искал. Внизу, на небольшой плещи голой земли, лежал рыжий пони. Джоди еще издали увидел, как судорога медленно сводит ему ноги. А около пони кружком сидели коршуны, дожидаясь конца, который они предугадывали безошибочно.

Джоди сорвался с места и ринулся вниз по склону холма. Сырая земля приглушала его шаги, кусты полыни скрывали его с головой. Когда он подбежал туда, все было кончено. Один коршун уже сидел на морде пони и как раз в эту минуту поднял клюв, с которого стекала темная жидкость глазного яблока. Джоди кошкой метнулся в их круг. Черное братство взмыло кверху, но самый большой коршун, тот, что сидел на морде пони, не успел подняться вместе с остальными. Он сделал два-три прыжка. Джоди схватил его за крыло и рванул на себя. Коршун был немногим меньше Джоди. Свободное крыло, словно дубинкой, ударило Джоди по лицу, но он не разжал пальцев. Когти впились ему в ногу, суставами крыльев коршун бил его по голове. Ничего не видя перед собой, Джоди протянул левую руку. Его пальцы нащупали шею бившейся птицы. Налитые кровью глаза смотрели ему в лицо спокойно, бесстрашно и яростно, лысая голова поворачивалась из стороны в сторону. И вдруг клюв приоткрылся и выпустил струю зловонной жидкости. Джоди согнул ногу в колене и навалился на огромную птицу. Одной рукой он прижал ее к земле, другой нашарил около себя острый кусок белого кварца. Первый удар снес на сторону клюв, и с разорванных по углам, жестких, как дубленая кожа, губ хлынула черная кровь. Он ударил еще раз и промахнулся. Налитые кровью бесстрашные глаза все еще смотрели ему в лицо отчужденно, смело, надменно. Он бил, бил – до тех пор, пока коршун, мертвый, не растянулся на земле, до тех пор, пока его голова не превратилась в красное месиво. Не помня себя, Джоди колотил мертвую птицу, и Билли Баку пришлось схватить его за плечи и крепко прижать к себе, чтобы умирить дрожь, сотрясавшую его тело.

Карл Тифлин стер красным платком кровь с лица мальчика, Джоди стоял обессиленный, притихший. Отец от швырнул коршуна носком сапога.

– Джоди, – наставительно сказал он, – твой пони сдох, но коршун тут ни при чем. Ты разве не понимаешь этого?

– Понимаю, – устало проговорил Джоди.

И тут Билли Бак не стерпел. Он уже поднял Джоди на руки и хотел идти с ним к дому, но задержал шаги и круто повернулся к Карлу Тифлину.

– Он все понимает! – яростно крикнул Билли. – А вы то! Неужели вам невдомек, каково ему сейчас!